

Митрополит Иларион: Мания политкорректности уничтожает Европу

О причинах и перспективах роста христианофобии в Европе, о тенденции к отказу от традиционной нравственности и особом пути России, о фильме «Дирижер» и смысле жизни рассказал в интервью журналистке РИА «Новости» Ольге Липич в непростое для Церкви время один из видных ее иерархов – глава Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион.

– Запрет на ношение нательных крестов в рабочее время в Великобритании рассматривается многими верующими как яркий пример роста христианофобии в Европе в последние годы. Известно, что уволенные за демонстрацию своих религиозных символов британские граждане подали иск в Страсбургский суд. Как развивается ситуация сейчас, и что Вы об этом думаете?

– Позиция правительства Великобритании, которая заключается в оправдании запрета работодателем ношения нательных крестов на рабочем месте, содержится в позиционной бумаге, направленной в Европейский суд по правам человека. Эта позиционная бумага была направлена в ответ на иски нескольких граждан Великобритании, которым уже в разное время запрещали ношение крестиков. В частности, это известная Надя Эвейда, чей случай имел достаточно громкую огласку: несколько лет назад ее отстранили от работы в авиакомпании «British Airways» за отказ снять нательный крест, который она носила поверх униформы. Потом медсестра Ширли Чаплин, которая 30 лет проработала в больнице и была уволена за ношение креста. И еще ряд лиц, которые отказались регистрировать однополые союзы в качестве браков.

В этом позиционном документе, который нам неизвестен, по информации СМИ, говорится о том, что работодатели вправе запрещать ношение креста. И английские юристы выдвигают в защиту этой позиции целый ряд положений действующего права Великобритании, а также религиозные аргументы, например, что ношение креста якобы необязательно для христиан.

В обсуждение этой темы включился архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс, который говорил, что для многих сейчас крест превратился в украшение. Несогласие с этой позицией выразил предыдущий архиепископ – лорд Кэри.

В общем, вопрос этот сейчас обсуждается в Великобритании. Но самое главное, как мне кажется, – сама постановка вопроса о том, что работодатель может запрещать ношение религиозных

символов своим работникам, в особенности, ношение креста. Я думаю, это свидетельствует об очень серьезном нравственном упадке и о сознательном отказе представителей руководства Великобритании от христианских корней этой страны.

Думаю, что единственная параллель, которую можно здесь привести и которая вполне естественно приходит на ум, – это параллель с Советским Союзом, где как раз запрещалось ношение крестиков и где их срывали с шеи, если замечали. Я сам был школьником, носил крестик и помню, как учительница, заметив цепочку, у меня его вытаскивала и срывала... Если Великобритания в идеологическом диктате воинствующего секуляризма уподобится Советскому Союзу, то это будет не самое выгодное сравнение для страны, которая считает себя демократической.

– А с чем, на Ваш взгляд, связано то, что подобного рода случаи фиксируются в последние годы один за другим?

– Думаю, что во многих странах Запада и, в частности, в Великобритании возникла какая-то мания политкорректности, которая развивается со скоростью маниакального психоза. Эта политкорректность заключается в том, что: не дай Бог, вдруг мы, христиане, или мы, представители той или иной западной страны, чем-либо обидим мусульман, иудеев, индуистов или представителей других религий. И ради того, чтобы не спровоцировать межрелигиозные конфликты, предлагается вот такое решение: давайте мы вообще удалим религию из общественного поля и удалим религиозные символы из жизни общества – тогда, якобы, будут торжествовать мир и любовь между конфессиями.

Но мы знаем, что религиозные символы одних конфессий в абсолютном большинстве случаев не вызывают никакого раздражения, а даже наоборот – вызывают сочувствие – у представителей других конфессий. На самом деле, религиозные символы вызывают раздражение именно у атеистов и представителей секулярного мировоззрения. Не случайно в рядах борцов с крестами мы видим, в первую очередь, именно воинствующих атеистов.

– Можно ли сказать, что в европейских странах сформировалось и действует лобби высокопоставленных людей, которые горячо поддерживают легализацию однополых союзов, эвтаназию, то есть максимальное снятие запретов, которые существовали в обществе веками? Условно говоря, некий заговор, причем не просто антихристианский, но направленный против устоев всех традиционных религий?

– Конечно, для этих людей христианство, крест и другие христианские символы – что красная тряпка для быка. И не случайно эти символы вызывают их раздражение: христианство имеет

очень однозначную позицию по всем этим вопросам.

Хотя, мы неоднократно уже говорили о том, что в целом ряде христианских Церквей, и в частности, в Церкви Англии, сами эти традиционные представления о нравственных ценностях сегодня размываются. И на смену той нравственной доктрине, которая зафиксирована в Священном Писании, в Новом Завете, в Евангелиях и апостольских посланиях, в творениях святых отцов, приходят новые либеральные стандарты, которые инкорпорируются в учение той или иной христианской Церкви о нравственности и заставляют модифицировать эти нравственные постулаты в угоду современным секулярным стандартам.

Я это хорошо помню, потому что учился в Великобритании с 93-го по 95-й год. И вот буквально на моих глазах, даже в течение двух лет, я наблюдал постепенное скатывание английского общества, средств массовых информационных в пучину этого секуляризма.

Например, помню такой случай, когда в одной популярной телевизионной программе (кажется, "Hard Talk") был поставлен вопрос (собственно программа так и называлась): "Должен ли священник верить в Бога?" Сюжет был следующий: один англиканский священник по имени Энтони Фримен написал книгу, в которой он доказывал, что Бог как личное существо не существует, что Бог – это такое понятие, которое выдумали люди для нравственного совершенствования. И когда эта книга была рассмотрена церковными властями, ее автору было вынесено следующее наказание: ему дали год на размышление и посоветовали пересмотреть свою позицию. То есть, в течение всего этого года он продолжал действовать как англиканский священник, продолжал совершать священнодействия, не веря в Бога.

Подобные явления уже тогда, в 90-е годы наблюдались в Англии. И конечно, этот процесс только усугубляется.

– Какие перспективы тогда Вы видите? Насколько вероятно, что этот процесс перерастет в суровые гонения на Церковь в ближайшие десятилетия, причем не только в Европе, но и в России? Ведь мы наблюдаем рост антиклерикальных настроений и в нашем обществе: что нашумевшая акция с танцами девушек в Храме Христа Спасителя, что возня вокруг квартиры Предстоятеля в Доме на набережной, что письма Березовского Патриарху – все это выстраивается в одну большую кампанию.

– Мы должны прямо говорить о том, что это не антиклерикализм, а антицерковно настроенные люди, которые подобные кампании организуют и в нашем обществе, и в западном обществе.

Но если все-таки вернуться к Западу, то мне кажется, что этот процесс не может продолжаться до

бесконечности. Хотя бы потому, что он имеет для всего западного общества самоубийственный характер. И он либо приведет к физическому уничтожению европейских наций, либо руководство этих государств задумается и начнет пересматривать свою позицию.

Почему я говорю о физическом уничтожении? Потому что, например, эта либеральная безбожная идеология, которая стала доминирующей сегодня во многих странах Запада, наносит удар не только по религии – она наносит удар, прежде всего, по таким основам человеческого существования, как семья и семейные ценности.

Ведь к чему приводит пропаганда гомосексуализма? К тому, что создается все больше и больше однополых союзов, претендующих на статус брачных. При этом само собой разумеется, что от таких союзов не происходит потомства. Разрушение идеала традиционной семьи приводит к тому, что становится очень мало многодетных семей. Сегодня многодетная семья в западной стране, так же, как и в России, – это большая редкость. И в основном многодетными являются семьи мусульман, а не семьи христиан или, тем более, безбожников.

То есть тот демографический кризис, который охватил сегодня западные государства, уже привел к тому, что народонаселение сокращается. И оно будет и дальше сокращаться, если эти либеральные стандарты будут лежать в основе законодательства, будут формировать общественное мнение, будут пропагандироваться через СМИ.

Если когда-нибудь власть имущие поймут, что это самоубийственный путь, и начнут принимать меры к тому, чтобы ситуация изменилась, – тогда может начаться обратное движение. А если они этого не поймут и будут упорствовать до конца – тогда, я бы сказал, что Западную империю ждет судьба многих великих империй, которые существовали и которые погибли из-за, прежде всего, нравственного распада. Как, например, Римская империя.

– А как это может отразиться на России? Ведь Россия – отчасти Европа, и все эти веяния, пусть через несколько лет и с ослабленной силой, но приходят к нам.

– Я думаю, что Россия не должна бояться идти своим путем. На протяжении нескольких веков, начиная с эпохи Петра Первого, мы пытаемся интегрироваться в западную культуру, западное общество, в западный менталитет. В чем-то нам это удается – в чем-то мы уже стали частью западного общества. Но все-таки нам до сих пор удавалось сохранять свое лицо.

Не входя в какие-то конфликтные отношения с Западом, не противопоставляя себя искусственно западному миру, мы, тем не менее, можем и должны сохранять и развивать свою культурную, национальную и духовную идентичность. Ведь Россия – это страна, в которой большинство

населения исповедуют православную веру и в которой на протяжении веков вместе с православными живут представители других вероисповеданий.

Думаю, каждый верующий человек в нашей стране должен заботиться, прежде всего, о том, чтобы жить по своей вере, по тем заповедям, которым учит его Церковь или его религиозная конфессия. Чтобы принадлежность к той или иной конфессии была не просто каким-то культурным фактом, но чтобы она влияла на повседневную жизнь человека.

Если, например, религия учит, что семья – это союз мужчины и женщины, значит, верующий человек только так и должен воспринимать семью. Если религия учит, что у супружеской пары должно быть столько детей, сколько Бог благословит, а не столько, сколько они сами запланируют (а так учат и христианство, и иудаизм, и ислам), то значит, люди должны жить по этим заповедям.

Мы будем жизнеспособны ровно настолько, насколько мы будем всерьез воспринимать нравственные заповеди наших религиозных традиций.

Мусульманские страны или регионы, где сохраняется традиционное представление о семье, – там мы и наблюдаем стабильный рост численности населения. А там, где это представление утрачено или искажено, мы наблюдаем уменьшение населения, демографический кризис. Это очень простой и ясный показатель.

– Мы возлагаем очень большую ответственность на политическое руководство, законодателей. А что еще могут сделать рядовые христиане Европы для спасения коренного населения континента от вымирания? И как Русская Православная Церковь способна помочь?

– Мы должны, во-первых, сохранять неизблемыми те основы вероучения и основы нравственного учения, которые унаследовали от Самого Христа, от апостолов, раннехристианской Церкви, которые мы пронесли через века, в том числе ценой мученического подвига. Думаю, сила Православной Церкви заключается как раз в том, что она не поддается веяниям времени, не модифицирует ни свое вероучение, ни свое нравственное учение в угоду секулярным либеральным стандартам.

Но это касается Православной Церкви как, скажем, организации. Если же говорить о конкретных верующих, то мы должны констатировать весьма очевидный факт: далеко не все наши прихожане живут по заповедям Христовым. И далеко не все из тех, кто считает себя православными христианами, являются прихожанами наших храмов, участвуют в жизни Церкви и в ее Таинствах. А самое главное – что далеко не для всех учение Церкви является руководством к действию в

повседневной жизни.

Когда мы научимся свою повседневную жизнь строить на высоких нравственных основах, которые проповедуются религиозными традициями, – только тогда мы можем говорить, что воспринимаем религию всерьез.

– В контексте обострившегося противостояния либерального и религиозного мировоззрений особое значение приобретает Ваш совместный проект с режиссером Павлом Лунгиным – вышедший на экраны фильм «Дирижер». Как возник замысел такой работы, и какие цели Вы перед собой ставили?

– Я познакомился с Павлом Семеновичем Лунгиным лет пять или шесть назад – вскоре после того, как он создал свой фильм «Остров», который произвел на меня очень положительное впечатление, и вскоре после того, как я написал свою ораторию «Страсти по Матфею». Я подарил ему диск с видеозаписью премьерного исполнения этого сочинения, на котором присутствовали приснопамятный Святейший Патриарх Алексий II и нынешний Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Кирилл (тогда - председатель Отдела внешних церковных связей); дирижировал Владимир Федосеев. Лунгину понравилась эта музыка, и мы стали обсуждать с ним вопрос о том, как можно было бы усилить эту музыку неким видеорядом.

Мои идеи были довольно простые: проиллюстрировать музыку древними фресками, допустим, византийскими, македонскими, сербскими, с изображением тех сцен из истории страстей Христовых, о которых говорится в Евангелии и поется в оратории. Лунгин сразу же сказал, что ему это не интересно, потому что он делает не документальное, а игровое кино, и, в свою очередь, предложил соединить музыку с неким действием. Дальше он начал работу над сценарием. Она была довольно долгой (за это время я стал председателем Отдела внешних церковных связей и митрополитом). Знаю, что было несколько вариантов сценария, – и вот в какой-то момент появился сценарий, который его удовлетворил.

В процессе съемок я не участвовал. Присутствовал лишь один раз на съемке одного эпизода – когда дирижер выходит на сцену и оркестр начинает играть мою музыку.

В итоге получился продукт, на мой взгляд, успешного творческого союза. Музыка оказалась не просто саундтреком к фильму - она стала одним из главных действующих лиц в кинокартине. И более того, некоторые эпизоды полностью вписаны в те или иные музыкальные номера из оратории «Страсти по Матфею».

– Что духовная музыка и киноискусство в сочетании должны дать современному

человеку, насколько они могут приблизить его к Богу, сделать лучше, нравственнее и глубже?

– Думаю, что такие фильмы важны, потому что, хотя напрямую не провозглашают какие-то религиозные идеи или ценности, они заставляют зрителей задуматься о смысле жизни и об ответственности человека за свои поступки.

Строго говоря, в этом фильме нет никакой религиозной морали. То есть, фильм не кончается, например, тем, что дирижер пошел на исповедь и получил отпущение грехов или что все герои фильма дружно пошли в церковь причащаться.

Лунгин – режиссер, который, как он сам говорит, любит работать на полутонах, он не любит доводить сюжетные линии до конца. Здесь ни одна сюжетная линия не доведена до конца. Мы просто как бы становимся участниками некой драмы, которая разворачивается на протяжении нескольких дней, но мы не знаем, что предшествовало ей и что за ней последует.

Тем не менее, это фильм об очень важных и о вечных темах, таких как взаимоотношения между отцами и детьми, между мужем и женой. И это фильм о том, что некоторые наши поступки могут быть непоправимы. Например, отношение этого дирижера к своему сыну, которого он не понимал, игнорировал, – и он изменил свое отношение только после того, как произошло непоправимое: его сын ушел из жизни.

– Несбывшаяся притча о блудном сыне?

– Да, поэтому я думаю, что фильм важен в том плане, что он показывает повседневную жизнь обычных людей – жизнь, в которую врывается горе, врываются какие-то проблемы, и жизнь, в которую врывается музыка. И эта музыка придает всему действию некую особую окраску.

– Можно ли сказать, что герои этого фильма переживают пиковые моменты, страсти, боль, страх, горе, сомнение, которые можно сравнить со страданиями Христа, и что это должно подсказать рефлексирующему зрителю путь к храму?

– На этапе одного из сценариев была идея увязать сюжет, связанный с жизнью героев фильма, с сюжетом страстей Христовых, то есть развить в фильме два параллельных сюжета. В конечном итоге страсти Христовы в качестве сюжета в фильме оказались не представлены – все основное время занимают сюжетные линии, связанные с жизнью героев.

Мне, тем не менее, кажется, что эта сюжетная линия – история страстей Христовых –

прослеживается в фильме, хотя и не напрямую. Она прослеживается через музыку, через фрагменты евангельского повествования, которые там читаются. И она прослеживается через соотнесенность человеческой драмы, которая разворачивается в фильме на наших глазах, с Иерусалимом – местом, где две тысячи лет назад разворачивалась другая человеческая драма. И в конечном итоге все эти драмы выводят на тему взаимоотношений между человеком и Богом.

– Владыка, Вы затронули тему смысла жизни. Существует ли некий универсальный смысл жизни, который Вы могли бы открыть каждому, кто приходит к Вам с таким вопросом?

– Сформулировать универсальный смысл жизни было бы очень сложно, и если бы это можно было сделать, это было бы уже сделано. Но думаю, что для нас как христиан нет ничего выше, чем тот смысл, который сформулирован, и то задание, которое дано Иисусом Христом: ищите прежде Царствия Божия, а все остальное приложится вам.

Не всякому сейчас можно с легкостью объяснить, что такое Царствие Божие. Потому что обычно люди, даже верующие, представляют себе Царствие Божие как что-то, что доступно после смерти и не имеет прямого отношения к нашей жизни. А между тем, мы как практикующие христиане можем сказать, что Царствие Божие может присутствовать уже в нашей земной жизни, если мы этого захотим.

В церкви мы соприкасаемся с Царствием Божиим, которое становится реальностью нашей жизни через наш молитвенный опыт, через наше участие в Таинствах и, прежде всего, в Таинстве Евхаристии (Причащения) – когда мы не просто общаемся с Богом, а соединяемся с Богом духовно, душевно и телесно.

Это присутствие Царствия Божия, которое мы ощущаем с наибольшей полнотой в храме, может и должно пронизывать всю нашу жизнь. Если мы этот опыт приобщения к Царствию Божию ставим на первое место, то все остальное вокруг этого выстраивается, прилагается. Я могу это засвидетельствовать на опыте, по крайней мере, собственной жизни. Но могу засвидетельствовать и на опыте очень многих других людей, которых я знаю, моих друзей, моих прихожан, моей мамы. Не говоря уже о людях прежних поколений, о святых, которые в гораздо более полной мере, чем мы, сумели эту заповедь воплотить в жизнь.

– А как эта заповедь стремления к Царству Божию выражается в поведении человека, помимо того, что он ходит в храм? И что он ощущает внутренне: любовь к Богу, к ближнему, к жизни или что-то еще?

– Опять же, нет какой-то модели поведения, которую можно предписать человеку для выполнения этой заповеди. Каждый человек для себя находит конкретные пути воплощения этой заповеди в жизнь, если он действительно хочет по ней жить.

Вот, например, блаженному Августину приписывается такое замечательное изречение: «Возлюби Бога – и делай что хочешь!» Это значит: если человек по-настоящему любит Бога, для него все остальные заповеди не нужны, потому что он их будет исполнять так и так - в силу того, что он любит Бога. Если он любит Бога – значит, он будет любить ближнего. Если он любит Бога – значит, он не допустит смертных грехов и даже греховных помыслов и так далее.

Если человек на первое место ставит Царство Божие, духовные идеалы, то все остальное ему прилагается. Искание Царства Божия и правды его, что заповедал нам Господь Иисус Христос, становится лейтмотивом его жизни, и не только религиозной, но и личной, и семейной, и профессиональной.

Конкретно в чем это проявляется? В том, что если это православный христианин – значит, он создает крепкую семью, любит свою жену, детей, и у него столько детей, сколько ему дал Господь. Он является защитником и кормильцем для своей семьи. В профессиональной деятельности он также руководствуется христианскими нравственными нормами: например, если это бизнесмен, то он не ворует, отказывается от коррупционных схем, не идет на безнравственные поступки ради достижения личной выгоды, он носит нательный крестик, даже если это противоречит дресс-коду.

Я сейчас не говорю, носить ли крестик под одеждой или снаружи – это уже вопрос вторичный. Я говорю о том, что человек должен иметь право руководствоваться христианскими духовно-нравственными нормами во всех аспектах своей жизни.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/54336/>